

*Юрий Лоциц
г. Москва, Россия*

О РОССИИ И РУССКОМ НАРОДЕ

«Лень-матушка, тепло в твоей утробе.
Пущу слюну, калачиком свернусь.
Отсюда слыхом не слыхать о злобе
дня или ночи, поглотивших Русь.
У нас блажен зевака беззаботный.
Что ему подвиг или ратный труд?
Пока звучит зевок его вольготный
враги друг другу глотки прогрызут.
Пока он спит, о матери вздыхая,
копя силёнки на соседний век,
не станет ни мамая ни шахрая,
и всю беду завалит вечный снег».

О БОГЕ

«Как может камень породить?
Как золоту из золота разлиться?
Что может на земле вода творить?
Она лежит, бездумная,
или, безумная,
с горы стремится.
Но Он – творит; из камня, из воды.
Он все составы до песчинки взвесил,
наклеил чешую и плавники подвесил.
Ползут двустворки, скользки и тверды,
На известковом слажены замесе».

ПРИБЫТИЕ

Из толщи скрипучей тоннеля,
бока, что ль, свои ободрав,
замедленно, еле-еле,
на свет выникает состав.
В пронзительном терпком створе
слепящего известняка
я вижу ещё не море,
а синий клинок пока.

Мне ль ждать миражей и обмана?
Я здесь не к параду гость.
Пещерных глазниц Инкермана
смертную вижу кость.
В окно всплывает, серчая,
пустопорожний док.
Ещё я не вижу чаек, –
лишь неба пылающий клочок.
Вопрос портового крана
в причальные рельсы врос.
В трюма открытую рану
не опускают трос.
Но я о беде твоей, город,
на стогнах не стану вопить,
затем, что ты светел, молод,
ты так порываешься жить.
Буксир ползёт по затону
пустому, где реял флот.
Спасибо вам, что к перрону
никто встречать не придёт.

ТОЛСТОЙ НА БАСТИОНЕ

На бастионе новичку неловко.
Поддельна тут ухмылка на губах.
Ещё не началась артподготовка,
но и бывалых забирает страх.
В тумане знобком выглядят зловеще
ствол и лафет, шинели воротник.
Что мельтешить, какой тебе обещан
день или час, иль этот самый миг?
Под сапогом – расквашенная глина.
Убитых грузят. Ядра волокут.
Чуть проступает ихняя долина.
Но не зевай... Враз козырёк снесут.
Когда же будет на него управа?
Ишь, перемирья запросил на час.
Нору сапёр-французик роет браво –
заводит мину, шерами, под нас.
Их из-за моря понаплыла тьмища:
сэр и мусье, и турка, и арап.

Да наши по ночам в разведку рыщут –
Европе забивают в дуло кляп.
Но вот беда! Блиндаж в четыре ската
не выдержал... Полно прорех и дыр...
Ну, подождите, brave ребята,
я покажу вам и войну и мир.

* * *

Севастопольские антиквары,
археологи, нумизматы,
как пещерные люди, стары,
а иные, как я, бородаты.
Соблюдают свою заботу.
Как цари, снисходительно-зорки,
соберутся опять в субботу
за Петром и Павлом, на взгорке.
И тряхнут из мешков забавой
в память всех, кому к нам неймётся:
штык покажут фашистский ржавый,
кортик аглицкого флотоводца.
Ишь, глаза разбегутся сами!
Как на пуговицы не подивиться
эти кругленькие, с номерами
полков ли французских, дивизий?
А турецкие бурые фески?
А щербатый тесак зуава?
Хороша ты, в хламе и блеске,
Экспедиции трубная слава.
Тут отметились все понемножку.
И монголы мелькнули, и готы.
И бренчит мамалыжная ложка
в котелке румынской пехоты.
Но советских времён гранаты
как с иголочки, вижу, одеты...
Чу!.. зовут к себе нумизматы.
В их тетрадках тяжких – монеты.
– Вам динарий римский, старинный?
Он – в особой цене и весе.
Но за бухтой у нас Карантинной
свой монетный двор в Херсонесе.
Потому византийцев – обилье.

Потому-то с небрежной лаской
Македонца деньгу Василья-
базилевса тут кличут «Васькой».
Глянь, Михайло Третий, медяшка.
Его Васька спровадил с трона.
Хоть Михайло и пил, бедняжка,
порешили его беззаконно.
Все монеты по-своему дивны.
Но от гривней новейших отрыжка.
Вот, зато, настоящие гривны –
новгородское серебришко.
Не раззявы тут, не идиоты.
Разумения наши крепки,
и в обмен не берём банкноты
заслюнявленного мазепки.
Да, разгулка у нас неплохая.
Не одни лишь купюры-монеты.
Хошь, шальвары Бахчисарая,
хошь, Мицкевича сыщем сонеты.
– Хорошо у вас на досуге
побродить. Память держите в силе.
Ну, а, может, что слышали, други,
о Философе, о Кирилле?
– Навестил нас и он в годы стары.
На епископском жил подворье
и отсель отлучался в Хазары.
Но о том – распытай у моря...
Впрочем... Тут старикан приходит
раз в году, напогрев, в апреле.
Книгу держит, евангеля вроде.
Буквы в ней разберёшь еле-еле.
«Эту самую книгу, – кажет, –
русским слогом в ту пору сложили,
чтоб Философа ею уважить,
чтоб дерзанье возжечь в Кирилле...
Он и взял те знаки – аз-бўки,
и кириллицей их назвали.
А без этой подсказки – дудки! –
сам придумал бы их едва ли...»
Так – не так? Приезжай ближе к маю.
Может, дедку того и встретишь.

Ну, а где он ютится, не знаю,
только книга – совсем уже ветошь...

АДМИРАЛЬСКИЙ СОВЕТ

Все сроки вышли – дней, часов, минут.
Три адмирала терпеливо ждут
на свой совет коснеющего брата.
До Графской пристани от Северной волна
доставит чёлн четвёртого. Молчат
сопровождающие адъютанты.
Горячий полдень онемел над бухтой.
Прощай, волна. Теперь – недалеко:
на городском холме, где, знает сам он,
назначен их торжественный совет.

Что рассуждать о долге, славе, чести?
Краеугольные четыре – вместе.
Летят четыре лёгкие корвета
в четыре стороны земного света.
Четыре ветра веют без обмана
в четыре поднебесных океана.
В четыре компас указывает шири.
Евангелий у Бога сколь? – Четыре!

У синего креста на белом поле
про нас четыре суть угла, не боле.
Возляжем же крестом на ложе склепа,
плечом к плечу. Надёжна смерти скрепа.
Ты, Лазарев! Корнилов, ты! Истомин!
И ты, Нахимов!.. Общий срок исполнен.
Мы дождались друг друга. Снова вместе.
К чему ж слова о долге, славе, чести?

Над Севастополем, как прежде, канонада.
От запада ещё одна армада
вспухает тучей. Всё-то им неймётся.
Ползут. Наглеют. Щурят хищный глаз.
Но свой совет четыре флотоводца
с тех пор не прерывают ни на час.

КАРАНТИННАЯ БУХТА

*Ты помнишь, в нашей бухте сонной
Спала зелёная вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.
Четыре серых...
Александр Блок*

Сколько раз от вокзала спешил напрямик
прочитать твои камни, как остовы книг.
Сколько раз к этой бухте от серых руин
я спускался, счастливый, как в день именин.
Здравствуй, шёпот зелёной хрупкой волны.
Херсонес, мне твои позывные родны.
...Серый «сторож» застыл. Дизель чуть дребезжит.
Но на палубе пусто. Вода – малахит.
В очертанье надстроек – дерзость, напор.
Отдых дали команде... Ночью – в дозор.
Чей он? Наш ли, чужой? Ну, а сам-то ты чей?
Я? – Москаль белорусско-хохлацких кровей.
«Чей он?» Глуп, сознаюсь, и постыден вопрос!
Но уже, как бурьян, между нами пророс.
А Владимир? Он чей, что стоит за спиной?
Белоплеч и высок, шлем горит золотой.
Чья крещальня вблизи от его алтарей?
Слог священных молений, скажите мне, чей?
Не Солунские ль братья в сей город вошли,
чтоб согласие расслышать славянской земли?
Киев, Ладога, Полоцк, Тамань... – они чьи?
Ярославны и Игоря чьи соловьи?
Что мы делим, безумцы? Иудина злость
подстрекает дробить наших праотцев кость.
Душу, море и сушу как в ступе толчём,
чтоб тащить на торги: «Что по чём? Что по чём?»
Визг раздорный в семье – он чумнее чумы.
На́ смех свету всему разбежимся ли мы?
Безъязыкие рты и безглазые лбы –
вы, кто общей отрёкся земли и судьбы.
Есть народ. Он на два иль на три неделим.
Есть Господь. Он и в трёх ипостасях един.

...Склянки бьют. Херсонес. Дизель вслух задрожал.
«Сторож» к ночи покинет дремотный причал.
Пусть он держит рубеж от беды и пропаж.
Чей он? *Наи!*

5.01.10

* * *

Рай потерян не весь.
В утешенье оставлена
в тесте глиняном весть
на макушке проталины.

Силы истощены?
Но вы снова приветите
нас,
веснушки весны,
жёлтые первоцветики.

Вот и пробует лёт
из-под снега лимонница –
золотой мотылёк,
рая вещею модница.

Не забыл он про нас.
От своих не отступится.
Пусть на полдень, на час,
на минуту,
но сбудется.

Никуда не спешу.
Чую сердцем заранее
в травной ветоши шум –
Божье дыхание.

2008

* * *

О том, что не сбылось, не произошло,
не случилось меж нами на свете,
однажды мы будем томиться светло,
слезами давиться, как дети.
Зачем же, скажи, будто жизни назло,

какая-то жёсткая сила
велит, чтоб не сбылось, не произошло,
чтоб сердце впустую изныло?

2008

ПТАХ

Валерию Ганичеву

В тени теней, в зелёных омутах
златых птенцов высиживает птах.

Но коль тебе не надоела жизнь,
в тени теней найти гнездо не тщишь.

Златых птенцов не выдаст птах-отец.
Узришь его и тотчас ты – мертвец.

Затем, что он в словах невыразим:
то ль Сирин-Алконост, то ль Серафим?

В тени теней, в зелёных омутах
ходи вприжмур, с затычками в ушах.

Затем, что свист его невыносим
для всех, кто петь затеял рядом с ним.

В миру льстецов, лжецов и прощелыг
не дай вам Бог услышать этот зык

или узреть алмазный этот зрак
в миру бельмастых и кривых зевак.

Глазок сверлящий в прах испепелит.
А свистнет птах – язык твой пригвоздит.

Вот почему шататься зря не смей
в зелёных омутах, в тени теней.

2008